

противоречит как перипатетической, так и католической школе («peripateticae et catholicae scholae contrarium»), а заблуждение, которое лежит в его основе, весьма просто: это вера в то, что все воспринимаемое интеллектом как универсальное, абстрактное или отдельное универсально, абстрактно и отдельно пребывает в вещах и в Боге: «quicquid intellectus cognoscit universaliter vel abstractivè vel praecisive, habet correspondentiam talem in re, sicut in Deo»*.

Если выбрать самое краткое выражение, то позиция Жерсона представляет собой звучащее более ста лет эхо осуждения 1277 г. и того духа теологической обороны, которое это осуждение вызвало: слишком большое число заимствований из языческих философов опасно для теологии, так как эти философы — противники покаяния, а следовательно, смирения веры. Это — древнее заблуждение Оригена, который слишком много пил из золотого кубка Вавилона, то есть, как уточняет Жерсон в своей второй лекции, не из какой угодно философии (причем он вовсе не думает осуждать философию как таковую!), а из философии язычников. Возвращаясь к одному из ключевых положений,

среди которых есть те, которые осудил Этьен Тампье, он фокусирует свою критику на неоплатоническом натурализме Авиценны, Аль-Газали и множества других неверных, принцип которых таков: одно как одно может происходить только из одного, — откуда они заключают, что лишь вторая интеллигенция имеет своей причиной первую. Это ошибочный принцип, и, проникая в самую христианскую теологию, он является причиной многих бедствий. Не отказываясь достаточно решительно от этого принципа, в Бога вводят различия на самом деле не реальные — ибо никто не осмелился бы дойти до такого святотатства, — но различия, взятые из природы вещи («ex natura rei»), которые очень похожи на реальные. Жерсон находит в номинализме и нечто здоровое — это как раз то, что в действительности делает подобное заблуждение невозможным. Родилось или нет учение Оккама из этого духа, но именно его обнаружил Жерсон, и его отзвук, кажется, слышится в первой лекции.

Рассматриваемый в этом аспекте номинализм XIV века подготавливал реформу теологии, воспринимаемой отныне как дисциплина веры, основанная на принципах отцов Церкви и связанная с их традицией. Критики схоластической теологии в XV и XVI веках не скажут против нее ничего нового, чего бы уже не сказал Жерсон. Это не значит, что они осудили схоластический метод как таковой. Совсем наоборот — Жерсон считал его необходимым для толкования учения отцов Церкви, и творчество великих учителей XIII века, особенно св. Бонавентуры, имело в его глазах очень важное значение. Однако, когда он оглядывался вокруг себя, ему казалось, что положение стало совсем иным: ученые люди считали себя теологами, чтобы затем преподавать одну только философию, презирали Библию и отцов Церкви (spreti Biblia et aliis doctoribus), забыли, что, согласно замечанию Августина, язык теологии не свободен, как язык философии, но имеет свое особое правило («nobis autem ad certam regulam loqui fas est»)**, и что

Глава IX. Философия в XIV веке

542

технические термины, введенные отцами Церкви, должны соблюдаться; бесполезно и произвольно умножается число вопросов; в отношении Бога задаются не только произвольные, но абсурдные вопросы (Сын может породить другого Сына, потому что Он обладает той же силой, что и Отец; Отца и Сына не объединяет любовь; Святой Дух был порожден раньше, чем стал абсолютно совершенным, и т. д.). Чтобы излечить эту болезнь, Жерсон мечтал об упрощенной теологии, единой везде и для всех, преподаваемой в